

В. И. МАКСИМОВ

СУФФИКС *-ин(а)* С УСИЛИТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

О суффиксе *-ин(а)* упоминается во многих исследованиях, рассматривающих те или иные вопросы русского словообразования: семантическую характеристику аффиксов, их стилистические и акцентологические свойства, членимость производных и т. д. Достаточно указать на работы последних трех десятилетий, посвященные так называемому «вопросу о буженине». Однако сам суффикс *-ин(а)* не был еще предметом специального изучения, хотя он принадлежит к числу древнейших в русском языке, дал многочисленные отпочкования (*-овин-а*, *-ятин-а*, *-щин-а*, *-инж-а* и др.) и до сих пор функционирует в ряде значений как активный элемент словообразовательной системы. Его полисемантичесность известна. Он служит как для образования имен существительных разных разрядов (ср.: *медведина*, *крашенина*, *хомутина*, *старшина*, *родина*, *толщина*, *пушина*, *смотрины*), так и для различного рода модификаций производящих слов (ср.: *жемчуг* — *жемчужина*, *дом* — *домина*, *хребет* — *хребтина*). В то же время семантическая структура суффикса *-ин(а)*, иерархия его словообразовательных значений не установлена с достаточной ясностью. Более того, одни из его значений в лингвистической литературе рассматриваются не дифференцированно, другие еще не описаны с должной полнотой. Это не только затрудняет, но и делает невозможным установление словообразовательных типов с суффиксом *-ин(а)*, их истории и места в системе суффиксального словообразования, а отсюда — моделей образования большого количества существительных, особенно с опрошенной ныне основой (*плотина*, *кручина*, *пучина*, *лощина*, *ложбина*). Изучение особенностей рассматриваемого суффикса должно способствовать также более последовательной характеристике (в семантическом, экспрессивно-стилистическом и даже грамматическом плане) одноструктурных производных соответствующих моделей в словарях современного русского языка.

Здесь мы рассмотрим значение суффикса *-ин(а)* в одной, но широко распространенной в русском языке группе производных типа *старичина*, *купчина*, *судьбина*. Обычно значение суффикса *-ин(а)* в подобных образованиях определяется или как увеличительное¹, или как единичное², или как «техническое» (однако без раскрытия этого термина)³, или стилистически модифицирующее⁴. И лишь отдельные исследователи усматривают в нем возможное средство выразительности⁵. До сих пор не ставилась задача определить природу суффикса *-ин(а)* в указанных про-

¹ «Грамматика русского языка», I, М., 1953, стр. 272.

² Г. Я. Гольдрот, О некоторых закономерностях словообразования, «Уч. зап. Новосибирск. ин-та», 1, 1945, стр. 173.

³ Н. М. Шанский, Очерки по русскому словообразованию, М., 1968, стр. 57.

⁴ «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970, стр. 138—139.

⁵ Н. И. Нейштадт, Суффикс единичности *-ин(а)*, «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», IV, М., 1953, стр. 42; Ф. П. Флиш, Об одной особенности диалектного словообразования, «Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та», XV, 4, 1956, стр. 185.

изводных, его отличия от омонимичных суффиксов. Не поднимался вопрос и о том, что представляют эти производные по отношению к производящим существительным: словообразовательные варианты или дублиеты или особые формы этих существительных.

В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» АН СССР (ССРЛЯ), а особенно в издающемся «Словаре русских народных говоров» АН СССР (СРНГ) и других областных словарях зафиксировано огромное количество суффиксальных образований типа *купчина*, *зверина*, *жичина* «ячмень на глазу». В большинстве своем они так или иначе приравниваются по своему значению к производящим словам. И в самом деле — семантически те и другие обычно не имеют различий. Особенно это заметно при употреблении их в одном контексте, например: *купец* — *купчина*: «Не знавал ли ты купца из мясного ряда... Не знавал ли ты этого купчину?» (Загоскин, Юрий Милославский); *человек* — *человечина*: «Был у нас в городе, в Семенове человек один; так себе человечина, не из больших, маленькой, а разум имел» (Короленко, В пустынных местах); *зверь* — *зверина* (о человеке): «Ну и зверь ты, Матюшка, — сказал Герасим, дрожащими руками доставая из мятой пачки папиросу. — Истый зверина хичный, только и слов» (С. Никитин, сб. «Костер на ветру»). Ср. в произведениях устного народного творчества: *дуб* — *дубина*, *вяз* — *вязаина*: «Под дубом, под дубом, под дубиною, Под вязом, под вязом, под вязиною Растет куст ракитов зеленешенек» (Соболевский, ВНП, IV, стр. 282); *казак* — *казачина*: «Там гуляла девчина, казачину будила: Ты встань, казак молодой!» (там же, стр. 643); *зверь* — *зверина*: «Уж зверь ты, зверина! Ты скажи свое имя» (народная песня — картотека ССРЛЯ).

Нетрудно заметить, что сопоставляемые названия относятся к одним и тем же предметам или лицам, безотносительно к размеру последних или иным их свойствам. Использование здесь суффикса *-ин(а)* не имеет целью и придать оценочные качества производящим словам. Оценка, если она имеется, заключена в самом производящем слове (*зверь* — о человеке), суффикс же *-ин(а)* лишь усиливает ее. Оценка может сопровождать все высказывание в целом, реализуясь в контексте и интонации, независимо от лексического значения рассматриваемых образований. Например: «Я просто так сказал, — смешно мне... этакий солидный старичина, борода по-иностранному, сигара в зубах... Кто такой? Мой сынишка — хе-хе-хе» (М. Горький, Фома Гордеев). Оценка предмета мысли содержится здесь в определении (*этакий солидный*). Производное же *старичина* никакой оценки в себе не заключает. Это особенно заметно при сравнении с контекстами, где оно употреблено без оценочных эпитетов: «Подошел к нам хозяин, сивый старичина, как голубь» (С. Никитин, сб. «Костер на ветру»).

Чем же тогда объяснить, что отдельным образованиям подобного рода с суффиксом *-ин(а)*, производным как будто бы не от оценочных слов, могут быть присущи оценочные свойства и вне контекста? Например, *купчина* имеет «уничижительный» оттенок, а *казачина* содержит подчеркнуто положительную характеристику называемых лиц (ССРЛЯ). Такие ассоциации являются вторичными. Они не имеют непосредственного отношения к свойствам суффикса *-ин(а)*, а обусловлены историей соответствующих слов. Так, слово *купць* засвидетельствовано уже в древнейших памятниках, как и производное *купьчина*⁶. В «Русской правде» купцы

⁶ См.: И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, I, СПб., 1893; Г. Е. Кочин, Материалы для терминологического словаря древней России, М.—Л., 1937. Древнерусские памятники цитируются далее по «Материалам» И. И. Срезневского.

упоминаются в ряду других привилегированных сословий, какими являлись в ту пору русины, гридины, тивуны, мечники: «Аче ли боудеть Роусинь, любо грядь, любо коупць, любо тивунъ боярескъ, любо мечникъ, то ѿ грѣвъ положити за нь» («Русская правда» Яр. по Син. сп.). Начиная с конца XII в. в договорных грамотах, а также других официальных документах начинает встречаться производное *купчина* без какой-либо семантической дифференциации. Доказательством этому служит, например, факт замены в «Русской правде», в одном из более поздних списков, слова *купец* его производным: «Аче боудеть Роусинь, любо гридинъ, любо коупчина, любо ябетникъ..., то 40 гривень положити за нь» («Русская правда» по Акад. сп.). Судя по материалам словарей Срезневского и Кочина, та же картина наблюдается в памятниках письменности Московской Руси. Все это говорит о том, что производное *купчина* не имело в древнерусском и старорусском языке уничижительного оттенка, а приравнивалось по употреблению к слову *купец*.

В XVIII в. рассматриваемые образования также совпадали в основном значении, о чем свидетельствует, например, «Российский с немецким и французским переводом словарь» И. Нордстета 1780 г., а также «Словарь Академии Российской» 1794 г. То же самое относится и к XIX в., по крайней мере к его первой половине. Так, «Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 г. определяет интересующее нас значение производного *купчина* по формуле «то же, что купец». В. Даль хотя и ставит производное *купчина* в один ряд с формой *купчища*, подчеркивая тем самым присущую ему выразительность, однако даваемое при этом определение «миллионный» не включает заметной отрицательной оценки обозначаемого объекта.

Начиная с середины XIX в. в России резко возрастает отрицательное отношение общественности к купеческому сословию. Купец становится символом неудержимого стяжательства, необузданности нрава, предметом общественной насмешки. Все это нашло самое широкое отражение в русской классической литературе (Н. В. Гоголь, Г. Успенский, А. Н. Островский, М. Горький и др.), выписками из которой так богата словарная картотека Института русского языка АН СССР. Например: «Купец имел у нас, говоря сравнительно, не высокое место в общественной иерархии. Надо правду сказать — он и не стоил больше» (Достоевский). С этим и следует связывать появление у производного *купчина* уничижительного оттенка. Пожалуй, никто так тонко не передал этого, как В. Белинский. «В Петербурге,— писал он,— много купцов из немцев, даже англичан, и поэтому большая часть даже русских купцов смотрит не купчинами, а негоциантами» («Петербург и Москва»). При таком понимании *купец* — это название не очень уважаемого в обществе сословия, однако не заключающее в себе резко отрицательного отношения к этому сословию. Оно содержит лишь как бы намек на такое отношение, которое усиливается, закрепляется и узаконивается производным *купчина*. Именно последнее стало более четким обозначением представителя названного сословия со всеми его отрицательными качествами, недостатками в общественном поведении. Этим мы объясняем постановку пометы «уничжит.» впервые лишь в «Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова; потом она повторяется в ССРЛЯ.

Суффиксальное производное *казачина* впервые отмечено В. Далем с пояснением «казак молодец». Но к этому времени и производящее слово *казак* употреблялось не только для называния лиц, принадлежащих к соответствующему сословию, но и для подчеркивания их особых качеств: смелости, удалства, молодечества и т. п. Об этом свидетельствуют много-

численные выражения, приведенные в том же словаре В. Даля: «Казак — глаза и уши армии; Казак все наголо (поголовно все) атаман; Казак из пригоршни напьется, на ладони пообедает» и т. п. Таким образом, слово *казак* издавна могло иметь оценочные элементы, суффикс же *-ин(а)* в производном *казачина* только усилил их: «Лишь один во всей станице Казачина гребенской» (Лермонтов, Дары Терека).

Итак, оценочный элемент не присущ органически суффиксальным образованиям типа *купчина*, *казачина*, *морячина*, не обусловлен он и природой самого суффикса *-ин(а)*. Это свойство наследуется от производящих слов, формируясь под влиянием общественных условий. При отсутствии его у производящих слов прибавление рассматриваемого суффикса не привнес в них оценочных представлений (*судьбина*, *человечина*, *жичина*). Суффикс *-ин(а)* во всех приведенных производных не имеет ни увеличительного, ни оценочного значения. Отличие этих производных от производящих слов заключается только в большей выразительности первых. Суффикс *-ин(а)* способен, не изменяя вещественного значения производящих существительных, либо придавать им выразительность (*судьба — судьбина*, *старик — старичина*), либо усиливать ее: *зверь — зверина* (о человеке)⁷. В производных указанного типа это его главная функция, что и позволяет выделить в нем у с и л и т е л ь н о е (экспрессивное) значение.

Поскольку производные с усилительным суффиксом *-ин(а)* семантически тождественны производящим существительным, сохраняют с ними живые словообразовательные связи, отличаясь только экспрессивно-стилистической маркированностью, то их следует рассматривать не как самостоятельные лексемы, варианты или дублиеты производящих слов, а скорее как их особые экспрессивные формы⁸. Последние параллельны, а в известном смысле даже антонимичны формам со «смягченной экспрессией». Ср.: *плут — плутина — плутишка*, *дурак — дурачина — дурачок*, *вещь — вещина — вешичка*, *голова — головина — головка*, *человек — человечина — человек*. По словообразовательной потенции экспрессивные формы с суффиксом *-ин(а)* можно отнести к «пределным моделям»⁹, т. е. к таким производным, от которых новые слова с самостоятельным лексическим значением не образуются. Видимо, это общий признак, в принципе отличающий имена существительные от их форм любого вида, в том числе и от форм субъективной оценки. Действительно, на экспрессивных формах с суффиксом *-ин(а)* словообразовательная цепь обычно замыкается. Редким исключением здесь являются случаи, когда эти формы по тем или иным причинам нейтрализуются, что способствует их лексикализации. Только тогда они получают возможность присоединять к себе адъективные или субстантивные суффиксы, например: *требуха — требушина — требушинный* (впервые в «Слов. Акад. Росс.» 1794 г.), *пестрядь — пестрядина — пестрядинный* (Поликарпов, Лекс. 1704), *рядно — рядина — рядинный* (Опыт. обл. Слов. Акад. 1852 г.), *хижа — хижина — хижинный*, *хижинник* «житель хижины», *хижинница* (Даль).

Усилительное значение суффикса *-ин(а)* вполне самостоятельно и не

⁷ Этим он отличается от группы суффиксов (*-ун*, *-ай*, *-ач*, *-ан* и т. п.), дающих по выражению О. Г. Ревзиной, «объективное усиление названия» (О. Г. Ревзина, Структура словообразовательных полей в славянских языках, М., 1969, стр. 34).

⁸ Об использовании терминов «экспрессивный суффикс» и «экспрессивная форма» см. также: А. В. Суперавская, Структура имени собственного, М., 1969, стр. 129—132.

⁹ В. П. Даниленко, Имена существительные (нарицательные) как производящие основы современного словообразования, в кн.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка», М., 1964, стр. 64—65.

должно отождествляться с его увеличительным значением. Это особенно наглядно видно в следующих случаях:

1. Суффикс *-ин(а)* сочетается с существительными, обозначающими предметы (явления), которые не могут быть больших (или меньших) размеров, не могут быть дифференцированы со стороны количественной по присущим им признакам или свойствам. Например: *судьбина*: «Никогда еще не пел он с таким воодушевлением, протестуя против древней, дремучей деревенской судьбины» (И. Ефремов, *Лезвие бритвы*); *сиротина*: «Сиротина мой, спасибо тебе» (М. Горький, *Жизнь Матвея Кожемякина*); *година* «год» (= 12 месяцев): «День каждый, каждую годину привык я думой провожать» (Пушкин, *Брожу ли я...*); «Когда ж был многие години в заточеньи, ... Вынашивала я, кормила дочь свою» (Грибоедов, *Грузинская ночь*); *часина* «час» (= 60 минут): «Парит и грозит дождь. Дорога каждая часина работы» (Л. Толстой, *Так что же нам делать?*). Из частушек: «Если б знала, не любила хитрую породину»; «Забавина моя, Какая ты бедовая». В пословице «Сказал словину: ни квас, ни лавина» производное *словина* не может содержать суффикса *-ин(а)* с увеличительным значением, его присоединение к производящему существительному вызвано необходимостью созвучия, внутренней рифмовки (*словина — лавина*), сочетающейся с возможностью придания выразительности этому существительному. Явление такого же порядка можно наблюдать и в ряде других пословиц: «Заведи хлевину, а потом скотину»; «Пришла на вас година — веселая вечерина». При производящих существительных, обозначающих не один предмет, а их совокупность, но без количественных характеристик, суффикс *-ин(а)* также воспринимается как усилительный. *Рванина*: «Барак.. целые сутки был как адская кухня! весь в пару, ... в рванине сброшенной одежды» (Симонов, *Солдатами не рождаются*).

2. Суффикс *-ин(а)* сочетается с существительными, обозначающими предметы, которые хотя и могут быть различных размеров, но для говорящего это не играет роли, ибо он исходит из определенного, стандартного вида этих предметов. Например, *паспортина*: «Чиновник берет Мою краснокожую паспортину» (Маяковский, *Стихи о советском паспорте*); *газетина*: «Сели. Читают, газетинной вея» (Маяковский, о «Финасах»...); *монетина*: «И он, вызволяя монетину ту, Двумя кулаками По диску дубасил» (Олейник, *Широкая натура*). В составе устойчивых словосочетаний: быть пьяным (напиться) *в дым — в дымину*: «Пьяный в дым Аникунка прилип к Григорию» (Шолохов, *Тихий Дон*); «И однако не проходило ни одного праздника, чтобы Трофим не напивался „в стельку“, „в дымину“, как он любил выражаться» (Ф. Абрамов, *Братья и сестры*); *через пень колоду — колодину* «плохо, небрежно делать что-нибудь»: «[Павин] оставался ко всему равнодушен, все делал нехотя, через пень колоду» (Ф. Вигдорова, *Дорога в жизнь*); «Через пень колодину Брала смородину» (частушка). Известная поговорка «Под лежачий камень вода не течет» отмечена нами в псковских говорах как «Под лежащую колодину и вода не бежит», где одинаково возможно было бы и употребление *колоду*. Ср. также: *Бабину городить, нести* «ухаживать, волочиться за женщинами, любезничать с ними» (Ряз., Даль), *вылупить глазинь* «вылупить глаза» (Барнаул. Том., 1929—1935 — СРНГ).

Усилительное значение, свойственное суффиксу *-ин(а)*, не должно отождествляться также с его единичным значением. Суффикс единичности *-ин(а)* в принципе сочетается только с именами существительными собирательными или вещественными: *картечь — картечина, бисер — бисерина; железо — железина, золото — золотина*. К тому же он модифицирует семантику производящих слов по признаку противопоставления целого и его части. Усилительный суффикс *-ин(а)*, даже если он и соче-

тается с производящими существительными указанного типа, изменяет лишь их экспрессивно-стилистические свойства (*рвань* — *рванина*).

Таким образом, наличие у суффикса *-ин(а)* особого, усилительного значения не может вызывать сомнений. В этом значении он продуктивен не только в общенародном русском языке, но и в народных говорах. Приведем некоторые примеры: а) из советской художественной литературы: «*Верблюди́на* сено провозит, замаран» (Маяковский, По городам Союза); «*Разгляде́в* в подзорную трубу пологие склоны, обрадовался: у *морячи́ны* появилась надежда на спасение и отдых» (П. Капица, Ревущие сороковые); «*Чудачи́на* он, — думал Чубасов. — Почему сам не сказал?» (Николаева, Битва в пути); «Затем, окинув взором *толми́ны* навоза, ... он ткнул плеткой в сторону Анфисы» (Ф. Абрамов, Братья и сестры); «За *оагри́ной*, на пекашинской горе ... стоял человек, опершись на палку» (там же); «И ты, Никита, не задирайся зря — тоже, видно, без того, чтоб *занозину́* в душу не засадить, — не можешь» (Е. Мальцев, Войди в каждый дом); «Как только он вышел, Яков Лукич... показал пальцем на дверь: «*Како́в кобели́на?*» (Шолохов, Поднятая целина); б) из первых выпусков СРНГ: *ба́бина* «баба» (замужняя женщина): *Здравствуй, бабина* (Олон. Корч. Твер.); *бе́дина*: *Вот коли сустрела меня бедина* (Смол.); *берести́на*: *Берестина у березы. По ягоды хожу, туяс беру деревянный, а из берестины делали, как битон теперь* (Зырян., Туган. Том., 1964); *букончи́на* «буконка» (задвижка на окне): *(В избе) два окна: красное и волоковое. Задеи́гается букончи́ною* (Смол., Архив РГО); *Задеи́нь буконку* (Смол. 1914). Нами записано большое количество производных рассматриваемого типа в псковских народных говорах, например: *гнили́на*: *Купил не дом, а какую-та гнилинку; голови́на*: *Галавина твоя глупая; подва́лина*: *Замазать падвалину глиной, будя патяплее в избе; позла́бина*: *Свари ты хоть какой позлабины; ругани́на*: *Надаела мне эта руганина; шкуру́ина*: *С лисицы шкурина дарагая.*

Продуктивность усилительного суффикса *-ин(а)* в современном русском языке унаследована из восточнославянского. В «Материалах» И. И. Срезневского зафиксировано немало соответствующих образований, причем как в церковнославянских по происхождению памятниках, так и оригинальных: а) *кожина* «кожа»: «Сгорѣ съ дреколомъ... и съ кожиною [Геркулес]» (Мин. Чет.-В.); *работина* «работа»: «Рабыня тькоуть, а другья прядоуть, рабъ же къждо свою работиноу творить» (Златоустр. XII в.); *съсудина* «сосуд»: «Покоя не имут пьюще, и льють яко въ оутлу съсудину, доньдѣже възбѣсют ѿт пыаньства» (Злат. цец. XIV в. — Бусл. 486); *татѣбина* «татѣба» (кража): «Азь наполних татѣбины дньныя и татѣбины нощныя» (Быт. XXXI. 39. Сбор. Волог. XV в. Ак. н.); б) *грязина*: «Переидя грязину» [в др. сп. *грязи*] (Ип. л. по Хлеб. сп. 6659 г.); *дънина* «день»: «Бишася крѣпко ту днину до вечера» (Ип. л. 6693 г.); *скопѣчина* «скопец»; «Приведе нанка митрополита Ивана скопѣчину» (Пов. вр. л. 6597 г.); *смолина*: «Замыслиша съвьшивати бѣзъкы чересь град, накладыны смолины [в др. сп. *смоли*] и лучины» (Новг. I л., 6712 г.).

Установление словообразовательного типа, включающего имена существительные с усилительным суффиксом *-ин(а)*, выявление его продуктивности уже в древнейшую пору, возможно, позволит объяснить появление в русском языке большого количества исторически засвидетельствованных (но кажущихся неоправданными со словообразовательной точки зрения) дублетных образований с ныне десемантизированным суффиксом типа *оскоми́на* (*оскома*), *щербина* (*щерба*), *лучина* (*луча*), *половина* (*пол*), *хижина* (*хижа*), *долина* (*дол*) и специфику в них суффикса *-ин(а)*.

В современном русском языке ударение в экспрессивных формах

с суффиксом *-ин(а)* может быть двояким. Они сохраняют ударение на том же слоге, что у производящих слов, если последним свойственна акцентная кривая А: *Язва — Язвина, Яма — Ямина*¹⁰. Если производящие слова имеют другие акцентные кривые, усилительный суффикс перетягивает ударение на себя: *казак, -а — казачина, зверь, -ей — зверина, судьба — судьбина*. Особый интерес представляет ударение в производных от существительных *singularia tantum*. Так, производящим существительным женского рода могут быть потенциально свойственны варианты акцентных кривых А и С₁, однако последние обнаруживаются только в соответствующих производных, которые имеют в случае варианта А ударение на основе (*прель — прелина*), а в случае варианта С₁ — на суффиксе (*рвань — рванина, пестрядь — пестрядина, рвань — рванина*). Существительные мужского рода *singularia tantum* могут характеризоваться, в частности, вариантом кривой С, также обнаруживающимся только в производных с суффиксом *-ин(а)*: *хмель «состояние опьянения» — хмельна, дрот «проволока» — дротина*. В такой же степени «вещью в себе» являются и акцентные кривые существительных *pluralia tantum*, от которых образуются экспрессивные формы, судя по нашим материалам, только в народных говорах. Эти кривые могут быть приравнены к варианту А (*козлы — козлина: На этой козлине хорошо очёсывать лён*, Псков. обл.), Д (*сёсла «промежная часть крестьянских портов в виде прошитой или вставленной полосы ткани» — сёслина: Горе мне с мальцем, вся сёслина мокрая, там же*), В₁ или С₁ (*дёнги — деньжина: Водилась кой-какая деньжина, зоть и небольшая, там же*).

Из других морфологических явлений, сопутствующих соединению усилительного суффикса *-ин(а)* с производящими основами, отметим следующее: а) чередование конечных парных твердых согласных с мягкими: *плут — плутина, час — часина, верблюд — верблюдина* (встречающееся исключение *верблюжина* единично; видимо, под влиянием слова *верблюжина* со значением «мясо верблюда»: «Черт с ним, пусть плюется верблюжина, делал бы дело», Николаева, Битва в пути); б) чередование конечных заднеязычных с шипящими: *человек — человекина, дерюга — дерюжина, стихи — стихины*; в) замена конечного свистящего *ц* шипящим *ч*: *купец — купчина, жеребец — жеребчина*; г) опущение этимологически или синхронно выделяющихся в производящей основе суффиксов *-к(а)*, *-ок*, *-j(э)*, *-ник*: *лесина (леска), метина (метка), болячина (болячка), свитина (свитка), пролётина (пролётка); цветина (цветок), черепина (черепок); ущелина (ущелье); подзатылина (подзатыльник)*; ср. *ехидна (ехидна)*; д) выпадение беглых гласных *о* и *е*, чередующихся с нулем звука при склонении производящих слов: *комель, -я — комийна, молодёц, -дцá — молодчийна, но комель, комеля — комелина*.

Таким образом, в русском языке существует суффикс *-ин(а)* с усилительным значением, отличным от значения увеличительности и единичности. Он сочетается с именами существительными и служит целям их экспрессивно-стилистической модификации, без какой-либо оценки называемых объектов. Те оценочные элементы, которые свойственны отдельным производным рассматриваемого типа (*купчина, казачина*), не привносятся этим суффиксом. Он лишь как бы закрепляет то, что было присуще в силу тех или иных общественных причин соответствующим производящим словам. Сами же производные с усилительным суффиксом *-ин(а)* следует рассматривать как особые экспрессивные формы производящих существительных.

¹⁰ Используем классификацию акцентных кривых, данную в «Грамматике современного русского литературного языка», стр. 432—445.